

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія ¹⁾).

IV.

Эпоха конгрессовъ 1816—1822.

Мистицизмъ.—Военныя поселенія.

„Я вполне отдаюсь Его предрѣшеніямъ, и Онъ одинъ всѣмъ руководитъ, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими къ завершенію общаго блага“. (Изъ письма Императора Александра князю Голицыну).

„Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное содержаніе въ крѣпости рядовыхъ (такихъ-то), равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпиль-рутенами каждого черезъ батальонъ 6 разъ и потомъ отослать въ рудники“. (Изъ приговора суда по дѣлу л.-гв. Семеновскаго полка).

Краснорѣчиво сопоставленіе двухъ эпитафій, предпосланныхъ авторомъ къ четвертой главѣ своего изслѣдованія, въ которой имъ дается картина постепеннаго развитія въ Александрѣ мистицизма, зародившагося въ его душѣ въ 1812 году, и выясняются отношенія Государя къ Аракчееву. Мистицизмъ и военныя поселенія—понятія, казалось бы, трудно совмѣстимыя, а между тѣмъ они спокойно уживались вмѣстѣ.

Императоръ Александръ, такъ умѣвшій обворожить всякаго ласковымъ обращеніемъ и привлечь сердца окружающихъ, въ кото-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

ромъ, по свидѣтельству современниковъ, было нѣчто „ангельское“, котораго близкіе называли между собою не иначе, какъ „нашъ ангель“, „могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютыя приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣсколько разъ! Здѣсь, говоритъ Великій Князь, психика должна натолкнуться на непонятную загадку. „Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 г., Государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библии; зналъ многія цитаты священнаго писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человѣкъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ“.

„Это было скорѣе всего результатомъ особаго рода религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекала жизнь Александра Павловича“.

Чтобы понять все то, что произошло въ его духовномъ настроеніи и что привело его къ различнымъ заблужденіямъ въ области политики и управленія Россіей послѣ Наполеоновскихъ войнъ, необходимо оглянуться немного назадъ. Два человѣка имѣли на него въ ту пору безспорно огромное вліяніе,—то были князь А. Н. Голицынъ — „убѣжденный поборникъ православія“, и извѣстный мистикъ Р. А. Кошелевъ.

„Князь Голицынъ спросилъ какъ-то разъ Государя, читаетъ ли онъ или читалъ ли онъ Евангеліе. Александръ ему простодушно отвѣтилъ, что слушалъ Евангеліе при богослуженіяхъ, но на дому не читалъ священнаго писанія вообще, не имѣя на то времени. Когда Голицынъ настоятельно просилъ Государя сдѣлать ему удовольствіе— все же почитать Евангеліе, Александръ ему любезно обѣщалъ это сдѣлать“.

Тогда князь подарилъ ему Библию, и Александръ, лѣтомъ 1812 г. во время поѣздки въ Финляндію на свиданіе съ Бернадоттомъ, сталъ читать св. писаніе и былъ „восхищенъ отъ чтенія“. „Мнѣ кажется, что будто новый міръ открывается для меня; право, я тебѣ очень благодаренъ за твой совѣтъ“, сказалъ онъ князю Голицыну, дѣлясь своими впечатлѣніями.

Такимъ образомъ, за періодъ Отечественной войны произошла первая перемѣна въ привычкахъ Александра, т. е. онъ сталъ читать Св. писаніе, сталъ религіознымъ, что до этого замѣчалось мало.

„Моя вѣра чиста и ревностна, писалъ Государь Кошелеву въ январѣ 1811 года; съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнетъ, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо

для меня... То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя“...

„Я обязанъ вамъ многимъ, писалъ онъ другой разъ тому же Кошелеву, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполне на Него“.

Въ бытность за границей, въ 1874 г., Государь встрѣтился, какъ мы знаемъ, съ баронессой Крюденеръ, съ которой онъ очень желалъ познакомиться.

„Въ это самое время онъ получилъ отъ Р. А. Кошелева известную книжку подъ названіемъ „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“, переводъ съ нѣмецкаго А. Лабзина, которую Государь хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Приванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія“.

„Вся эта постепенность встрѣчъ и разговоровъ едва-ли была случайной. Она подготовлялась цѣлой плеядой лицъ, заинтересованныхъ не одной личностью освободителя Европы, но и личными интересами и побужденіями“.

Увлечшись мистицизмомъ и разными ученіями, Александръ естественно сочувствовалъ и покровительствовалъ людямъ, предававшимся религіознымъ исканіямъ, „стремившимся приблизиться къ истинѣ, путемъ невидимаго общенія съ Божьимъ Промысломъ, и старанія разгадать свое собственное я“, и въ его царствованіе оживилась дѣятельность всѣхъ тайныхъ и явныхъ обществъ, которыхъ преслѣдовали въ царствованія Екатерины и Павла.

„Зная, что и Императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвѣ религіозной, ища успокоенія душѣ своей то въ чтеніи священнаго писанія, то въ общеніи съ моравскими братьями, квакерами и такими восторженными проповѣдниками, какъ г-жи Крюденеръ и Татаринова, все русское общество увлекалось, если не въ равной степени, то все-таки слѣдило со вниманіемъ за всѣми толками, сектами и проповѣдниками, какъ православными (Филаретъ, Фотій), такъ и сектантскими.“

„Однако, несмотря на всю свою вѣротерпимость, Государь не любилъ, чтобы обсуждали или критиковали одобренныя имъ мѣропріятія. Это соотвѣтствовало тѣмъ странностямъ его характера, гдѣ крайній

иногда либерализмъ немедленно заглушался проявленіями такого же крайняго приступа самодержавія, что одинаково смущало его друзей и недоброжелателей“.

Всѣ эти религіозныя исканія не доставили Императору того душевнаго мира, котораго онъ искалъ; поэтому онъ старался заглушить душевную тревогу переменою мѣста и начиная съ 1816 г. рѣдко бывалъ болѣе или менѣе продолжительное время въ столицѣ, а постоянно разъѣзжалъ.

Съ Вѣнскаго конгресса Государь отправился въ Польшу. Чтобы „подчеркнуть свое благоволеніе къ полякамъ, онъ облекся въ польскій мундиръ“ и совершилъ торжественный вѣздъ въ Варшаву, гдѣ „обворожилъ всѣхъ милостивымъ обхожденіемъ, и подписалъ конституціонную хартію польскаго королевства, назначивъ намѣстникомъ „заслуженнаго генерала польскихъ войскъ при Наполеонѣ“ Заіончека.

Этимъ былъ нанесенъ жестокій ударъ самолюбію князя Адама Чарторыжскаго, рассчитывавшаго занять этотъ видный постъ; „наружно ему приходилось все скрывать, страдать молча и съ достоинствомъ, довольствуясь кресломъ въ польскомъ сенатѣ. Оказалось, что ни поѣздка въ главную квартиру союзныхъ войскъ, ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, ни присутствіе въ Вѣнѣ на конгрессѣ не помогли князю Чарторыжскому. „Достоверно неизвѣстно, что именно произошло между Императоромъ и княземъ, но, вѣроятно, займы 1811 года ¹⁾, а иногда рѣзкость въ письмахъ князя Адама привели къ такому неожиданному результату. Словесныхъ пререканій, очевидно, не было; это не соответствовало характеру отношеній Государя вообще къ его сотрудникамъ—а просто назначеніе Чарторыжскаго на постъ намѣстника было признано не подходящимъ“.

По возвращеніи Императора въ Петербургъ, въ новый годъ (1816 г.) появился „знаменитый благодарственный манифестъ, вызвавшій много толковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, въ общихъ чертахъ выражавшій то религіозно-государственное настроеніе, которое приводило въ смущеніе современниковъ и вызывало опасенія за новыя вѣянія, овладѣвшія повелителемъ Россіи“.

Осенью того же 1816 г. Александръ совершилъ большое путешествіе по Россіи для обозрѣнія губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны.

¹⁾ Въ февралѣ мѣсяцѣ 1811 г. князь обратился къ Государю: „Первый разъ въ жизни“, какъ онъ писалъ ему съ просьбою о займѣ ста тысячъ рублей, для покрытія долга, сдѣланнаго его отцомъ“.

Затѣмъ, Государь снова посѣтилъ Варшаву (въ мартѣ 1818 г.), гдѣ произнесъ знаменательную рѣчь при открытіи перваго Польскаго сейма. Эта рѣчь долго озабочивала Александра и привлекла все его вниманіе.

„Изъ переписки съ Кошелевымъ видно, что единственнымъ вдохновителемъ и цензоромъ указанной рѣчи былъ не кто иной, какъ Кошелевъ; это было тайной для современниковъ, а также неизвѣстно историку Александра Н. К. Шильдеру“, утверждающему, что эта рѣчь, за два дня до ея произнесенія, была дана для прочтенія и исправленія Каподистріи. „Рѣчь была написана самимъ Государемъ и прочитана въ засѣданіи сейма государственнымъ секретаремъ, на французскомъ языкѣ. Это одно изъ либеральнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Александра Павловича, гдѣ конституціонные принципы были поставлены въ основу всего управленія польскимъ королевствомъ“.

„Изъ письма Александра къ Кошелеву видно, что Государь остался очень доволенъ и рѣчью, и сдѣланнымъ на поляковъ впечатлѣніемъ, „объяснивъ все это, согласно со своимъ тогдашнимъ настроеніемъ“, „особенно милостью Божьяго Промысла“.

Но въ средѣ русскихъ и особенно въ средѣ военныхъ и эта рѣчь и милостивое вниманіе, оказанныя полякамъ, вызвали критику и опасеніе за будущее.

Князь И. Ѳ. Паскевичъ передаетъ, что какъ разъ во время пребыванія Государя въ Варшавѣ, въ присутствіи Милорадовича гр. Остерманъ-Толстой на вопросъ его, Паскевича:

— „Что изъ этого будетъ?“, отвѣтилъ:

— „А вотъ что будетъ, что ты черезъ десять лѣтъ будешь ихъ штурмомъ брать“.

Графъ Остерманъ ошибся лишь на три года въ предсказаніи. „А. А. Закревскій сообщалъ Киселеву: „Рѣчь Государя, на сеймѣ говоренная, прекрасная, по послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты изъ смысла оной легко усмотришь“.

Графъ Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову:

„... Рѣчь, произнесенная Императоромъ въ Варшавѣ, его явное предпочтеніе къ полякамъ и дерзость этихъ послѣднихъ вскружили всѣмъ головы; молодежь требуетъ отъ него конституціи“...

Изъ Варшавы Государь отбылъ на югъ Россіи, гдѣ осматривалъ военныя поселенія, а затѣмъ выѣхалъ за границу, на конгрессъ въ Аахенъ.

„Въ Берлинѣ, гдѣ конечно была остановка для свиданія съ прусскою королевскою семьей, Государь имѣлъ продолжительныя бесѣды на религіозныя темы съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ;

бесѣда эта сдѣлала обоюдно большое впечатлѣніе на собесѣдниковъ. Эйлертъ услышалъ впервые изъ устъ русскаго Государя развитіе идеи священнаго союза и откровеніе по поводу той нравственной метаморфозы, которая произошла въ чувствахъ Александра. Нѣмецкій епископъ былъ глубоко пораженъ и удовлетворенъ разговорами съ русскимъ Царемъ, что отразилось въ его показаніяхъ впоследствии, когда онъ выразился, говоря про Государя, что „er sprach mit orientalischer Begeisterung“.

И въ это пребываніе за границей личность русскаго Императора произвела такое же обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, какъ и въ 1814—15 годахъ, и заинтересовала собою многихъ въ такой степени, что „нѣкоторые германскіе мыслители и военные волновались при мысли, что, избавившись отъ ига Наполеона, легко было попасть въ сѣти побѣдоносной Россіи и ея повелителя, съ его либеральными заигрываніями съ сынами революціи, для привлеченія ихъ на дѣло общаго христіанскаго блага“.

Особенно сильныя опасенія внушала Александръ Меттерниху, который подозрѣвалъ его въ коварныхъ замыслахъ и опасался его желанія привлечь къ священному союзу мелкія нѣмецкія государства, что отнюдь не входило въ планы австрійскаго кабинета.

Нѣсколько дней спустя по возвращеніи Государя изъ Аахена въ Петербургъ было получено горестное извѣстіе о смерти любимой сестры его Екатерины Павловны, скончавшейся въ Веймарѣ. Эта смерть глубоко опечалила Государя, потерявшаго въ лицѣ Великой Княгини самаго близкаго друга, единственнаго почти человѣка, которому онъ открывалъ душу, съ которой бесѣдовалъ и переписывался обо всемъ.

Забвеніе въ этомъ горѣ Государь искалъ снова въ путешествіи; на этотъ разъ онъ поѣхалъ на сѣверъ Россіи, въ Архангельскъ, Олонецкую губ. и Финляндію, взявъ съ собою самую ограниченную свиту; кромѣ князя П. М. Волконскаго, его сопровождали только врачъ Вилліе и фельдъегерь Соломка.

„Александръ Павловичъ иногда тяготился всякимъ лишнимъ лицомъ во время путешествій; онъ стремился уединиться, если былъ озабоченъ или чѣмъ-либо разстроенъ, часто предпочиталъ быть съ такими людьми, при которыхъ онъ могъ вовсе не стѣсняться. Въ данномъ случаѣ такъ и было, потому что онъ грустилъ по скончавшейся Екатеринѣ Павловнѣ и намѣренно искалъ другихъ впечатлѣній и уединенія“.

Послѣ продолжительной поѣздки по Финляндіи Императоръ снова отправился для обозрѣнія военныхъ поселеній.

„1818 и 1819 годы, такимъ образомъ, ознаменовались цѣлой

серіей самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ событій. Чего только ни произошло за эти два года: посѣщеніе Варшавы и знаменательная рѣчь Государя при открытіи сейма; Аахенскій конгрессъ, возвращеніе русскаго оккупационнаго корпуса изъ предѣловъ Франціи, поѣздка Его Величества по Польшѣ, на югъ Россіи и въ Крымъ, пребываніе въ Москвѣ и Варшавѣ, путешествія по сѣвернымъ окраинамъ и Финляндіи, наконецъ, всякія новыя назначенія и образованіе комиссій съ самыми обширными затѣями. Эта горячка по всѣмъ отраслямъ внутренней и внѣшней политики поражаетъ и невольно наводитъ на грустныя мысли. Душевное безпокойство русскаго Государя передавалось и подданнымъ и даже чужеземцамъ. Повидимому, въ ту пору Александръ Павловичъ поставилъ въ основу всѣхъ мѣропріятій то религіозное откровеніе, которое, по его понятіямъ, освѣтило его умъ и сердце, не только какъ человѣка, но и какъ правителя. Согласно такому убѣжденію, проводились идеи внѣшней политики; возстановленіе Царства Польскаго на самыхъ либеральныхъ началахъ; покровительство мистицизму, сектантству, квакерамъ... но какъ сопоставить съ вышеприведенными вождельніями какой-то нервной интересъ къ военнымъ поселеніямъ, интересъ, затемнявшій все остальное по дѣламъ внутренняго управленія и не ослабѣвавшій до самой кончины Александра“.

Ставя этотъ вопросъ, Великій Князь склоненъ „видѣть извѣстную связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха“. „Вѣдь основой введенія такого рода поселеній, говоритъ онъ, было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлать ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко гуманная, пропитанная великодушными стремленіями. Чтеніе Библии и священнаго писанія, столь усердное и постоянное послѣ години Отечественной войны, вошло въ плоть и кровь, и стало любимымъ препровожденіемъ времени въ свободныя минуты Императора Александра. Поэтому кажущаяся неправдоподобность нашего предположенія является въ дѣйствительности логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходиться на умъ Государю и волновать его душу. Разъ Александръ рѣшилъ произвести на дѣлѣ опытъ военныхъ поселеній, то и дальнѣйшее его упорство въ осуществленіи этой мѣры вовсе не надо объяснять однимъ упрямствомъ, но послѣдствіемъ строго обдуманнаго плана“.

Военныя поселенія возникли по мысли самого Государя. Аракчеевъ былъ противъ ихъ устройства и явился только исполнителемъ государевой воли.

„Изъ писемъ Алексѣя Андреевича къ Государю за девятилѣтній

(1816—1825) періодъ можно убѣдиться, что главной темой переписки были военныя поселенія. Аракчеевъ доносилъ положительно обо всемъ, о всякихъ мелочахъ и подчеркивалъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ только въ виду интереса, проявленнаго Государемъ, и чтобы доставить ему, елико возможно, удовольствіе въ любимомъ, созданномъ имъ дѣтищѣ. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: „Я, кажется, не напрасно жилъ здѣсь, успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно“; „утѣшаюсь, въ упованіи томъ, что Вашему Величеству будетъ пріятно“; „можетъ быть, сіи бездѣлки развлекутъ вашу работу“ и т. д.

„Словомъ, лучшаго исполнителя своихъ предначертаній въ дѣлѣ поселеній, чѣмъ Аракчеевъ, Александру Павловичу нельзя было и найти, а потому понятно, что при созданіи ихъ, выборъ Государя палъ на него, какъ на идеальнаго руководителя всего имъ задуманнаго“.

Впрочемъ, „несмотря на неограниченное довѣріе къ Аракчееву, Александръ Павловичъ все-таки предпочиталъ лично и на мѣстахъ провѣрять работу въ созданныхъ имъ поселеніяхъ, чѣмъ и объясняются его частыя поѣздки для обзрѣнія поселеній, которыя стали какъ бы его *idée fixe*“.

Авторъ изслѣдованія особенно подчеркиваетъ это и говоритъ:

„На дѣлѣ выходило, что хотя довѣріе къ Аракчееву и было велико, но провѣрка его дѣйствій казалась Императору тѣмъ не менѣе необходимой. Современники объясняли это желаніемъ почаще и подольше проводить время съ единственнымъ лицомъ, которое всегда и вездѣ обнаруживало слѣпую преданность и какую-то буквальную исполнительность; мы же склонны думать, что постоянныя поѣздки по поселеніямъ обнаруживали скорѣе врожденное недовѣріе Александра ко всѣмъ сотрудникамъ, не исключая и графа Алексѣя Андреевича“, — черта характера, достойная вниманія изслѣдователей.

При осмотрѣ поселеній Александръ „обнаруживалъ интересъ къ мельчайшимъ подробностямъ быта поселянъ, многимъ былъ доволенъ, но дѣлалъ рядъ замѣчаній по тѣмъ отраслямъ хозяйства, которыя считалъ неудовлетворительными“.

15 августа 1820 г. Государь прибылъ въ Варшаву на сеймъ... На этотъ разъ впечатлѣнія оказались уже иными, потому что господа депутаты систематически отклоняли всѣ правительственныя законопроекты, что повлекло къ закрытію сейма ранѣе срока.

„Настроеніе Его Величества замѣтно начало портиться. Причины тому были разнообразны. Слухъ о разладѣ съ поляками

быстро разнесся по Европѣ и обрадовалъ дружескіе кабинеты Вѣны и Берлина, съ волненіемъ слѣдившіе за либеральнымъ слияніемъ русскаго Царя съ его польскими подданными“.

Въ исходѣ 1820 г. Императоръ снова отправился за границу на конгрессъ въ Троппау, гдѣ онъ много и по долгу бесѣдовалъ съ княземъ Меттернихомъ, а оттуда въ Лайбахъ. Возстаніе, вспыхнувшее во время этого конгреса въ Пьемонтѣ, и возникновеніе по всей Европѣ тайныхъ революціонныхъ обществъ произвело громадное впечатлѣніе на Императора Александра, „еще болѣе усилившееся послѣ разговоровъ съ Меттернихомъ, сумѣвшимъ такъ настроить русскаго государя, какъ ему было угодно для его дальнѣйшихъ цѣлей, для борьбы съ революціей въ Европѣ. Переломъ, совершившійся въ Александрѣ Павловичѣ, за дни Троппау и Лайбаха былъ настолько силенъ, что болѣе не прекращался до его кончины, а разыгравшаяся въ Петербургѣ исторія въ л.-гв. Семеновскомъ полку довершила послѣднее перерожденіе въ его характерѣ“.

Письмо Александра къ князю А. Н. Голицыну, изъ Лайбаха, отъ 8 и 15 февраля 1821 г., даетъ ясное понятіе о томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился въ тѣ дни.

„Улучивъ сегодня свободную минуту, писалъ Государь, я берусь за перо, обращаясь къ Спасителю, чтобы онъ наставилъ меня изложить вамъ все такъ, какъ мнѣ диктуетъ любовь, равно къ вамъ и къ истинѣ.“

„Но эта правда, какъ я ее чувствую въ своей душѣ, не дозволяетъ мнѣ дѣлать сравненій, потому что сама истина есть частица Божества.“

„Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, коей я нынче придерживаюсь...“

„Ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это—твореніе врага, то опасеніе за разрушеніе игры со зломъ не умѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ....“

„Вы меня убѣждаете проповѣдывать между монархами Европы подчиненіе ихъ сердець Всевышнему. Это заставляетъ меня вамъ отвѣтить, что король прусскій и императоръ австрійскій религіозны до глубины души, что они оба откровенно признаютъ волю Творца и всенародно объ этомъ заявляютъ. А потому, для меня нѣтъ ни малѣйшей заслуги ихъ убѣждать, ибо давно принята между нами привычка бесѣдъ на эту тему... Да благословитъ Господь всѣхъ“

милостей, разрѣшивъ всѣмъ тремъ на занимаемыхъ ими престолахъ такъ дружно и откровенно спѣться по самымъ различнымъ вопросамъ, основаніемъ чего послужила любовь къ Всевышнему. Предадимся же съ вѣрой Его предначертаніямъ и Его руководителству и постараемся не портить *вина и елея*¹⁾ чужими примѣсами чловѣчества. Вотъ моя исповѣдь, я ее чувствую до глубины души, а потому я не имѣю права уклоняться въ сторону, не нарушивъ вѣры въ Того, Кому я всецѣло отдался. Здѣсь вы найдете примѣненіе того способа, вами настойчиво рекомендованнаго, для *престъченія собственной воли*. Повѣрьте, что къ этой цѣли идутъ всѣ мои стремленія, насколько моя слабая чловѣческая оболочка мнѣ это дозволяетъ. Я вполне отдаюсь *Его предрѣшеніямъ* и Онъ одинъ всѣмъ *руководитъ*, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими лишь къ довершенію общаго блага. Вы мнѣ совѣтуете признаваемую мною въ бесѣдахъ съ вами мою *единственную поддержку въ Спасителя* громко исповѣдывать. Но развѣ я придерживаюсь другого языка послѣ 1812 года, когда я особенно чувствовалъ въ сердцѣ своемъ Его призваніе...

„Министрамъ своимъ я твержу то же самое... а что касается обращенія къ народамъ, то лучшими документами служатъ мои манифесты, лишь подтверждающіе тождественныя мысли... слѣдовательно, никогда боязнь общественнаго мнѣнія не была для меня помѣхой, я только заботился о судилищѣ собственной души, которая вся въ Богѣ“...

„Вполнѣ согласенъ съ вами, что вся адова преисподняя обрушилась на наши предпріятія. Это вполнѣ естественно и очевидно, всѣ они ополчились на насъ, видя, какъ открыто мы объявили себя послѣдователями ученія Христова, каждый по своему убѣжденію, въ чемъ я ручаюсь за насъ троицхъ. Сами вы пишете, что „адъ не можетъ сокрушить моей вѣры, потому что она уже закоренѣла въ душѣ моей! Дай-то Богъ, чтобы вы оказались правымъ, и я возлагаю всю мою надежду на помощь Спасителя, какъ и во всемъ остальномъ“. „Могу положительно васъ увѣрить, что я поступаю исключительно по *своей вѣрѣ*, а невозможно руководствоваться вѣрою другого.

„Вотъ истина, которую недостаточно сознаютъ. Если бы я дѣйствовалъ по вѣрѣ другого, и она не совпадала съ моей вѣрой, то я былъ бы преступникомъ. Я осмѣливаюсь заявить, что это подтвердилъ апостоль Павелъ“... По-моему, я лично еще далекъ отъ осторожности, мудрости, обдуманности и т. д., но я чувствую, что во мнѣ

¹⁾ Апокалипсисъ, гл. VI, ст. 6.

таются откровение святого, священнаго дѣла... Вы говорите, что Кошелевъ видитъ отсутствіе гармоніи въ сообществѣ! Откуда онъ это взялъ? Никто болѣе меня не желалъ такой гармоніи и не молился такъ усердно, чтобы добиться оной. Я увѣряю васъ, что я всегда дѣлалъ все для сохраненія этой гармоніи, кромѣ того, что внутреннее чувство мнѣ запрещало. Повторяю, не отъ меня зависить побороть влеченіе сердца, а когда оно заговорить, то нѣтъ человѣческой силы, чтобы меня переубѣдить противъ моего внутреннего влеченія“.

„Эти строки“, говоритъ по поводу этого письма Великій Князь Николай Михайловичъ, „написанныя князю Голицыну изъ Лайбаха, какъ нельзя болѣе наглядно передаютъ то душевное состояніе, въ которомъ обрѣтался повелитель земли Русской. Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный, и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе. Ссылки на Библию, на Апокалипсисъ, на Посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно разстроеннаго человѣка... Поражаетъ еще нервное отношеніе Государя къ критикѣ его дѣйствій въ области внѣшней политики, которую позволили себѣ его духовные собратья, Голицынъ и Кошелевъ, всегда смѣло и откровенно говорившіе ему обо всемъ томъ, что соприкасалось съ религіозными темами. Вообще, его письмо, писанное въ теченіе цѣлой недѣли, носитъ отпечатокъ какой-то внутренней борьбы и необычайной нервности. Если сопоставить даты, то такое настроеніе можно себѣ объяснить впечатлѣніемъ исторіи, случившейся въ концѣ октября 1820 года въ Семеновскомъ полку, въ связи со всѣми донесеніями о возгорѣвшемся революціонномъ движеніи въ Италіи и въ Испаніи, т. е. съ возродившимся карбонарствомъ“.

Извѣстное происшествіе въ Семеновскомъ полку глубоко опечалило Императора Александра, который вѣжно любилъ семеновцевъ, еще будучи наслѣдникомъ, состоя ихъ шефомъ. Онъ придавалъ ему большое значеніе и, заблуждаясь относительно истинной причины событія, былъ „твердо увѣренъ, что зло пришло извнѣ, отъ какихъ-то карбонаріевъ и, несмотря на почти единогласное противное мнѣніе петербургскаго высшаго военнаго начальства, пребывалъ въ этомъ заблужденіи“.

Все дѣло было тщательно просмотрѣно самимъ Императоромъ и снабжено его замѣтками.

„Поражаетъ строгость и суровая жестокость въ примѣненномъ наказаніи надъ нѣкоторыми нижними чинами, признанными судомъ вачинщиками бунта. Лишь для немногихъ сдѣлано смягченіе наказанія противъ рѣшенія военнаго суда, а главарямъ, несмотря на боевыя ихъ отличія и бытность въ кампаніяхъ, кара увеличена до прогнанія шесть разъ сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ батальона шпидрутенами“.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Лайбаха, Государь узналъ о доносѣ, полученномъ въ его отсутствіе, о политическомъ заговорѣ съ приложеніемъ списка всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ немъ.

„По версіи Шильдера, говоритъ авторъ изслѣдованія, Государь, выслушавъ Васильчикова, доложившаго ему о заговорѣ, отвѣтилъ:

„Дорогой Васильчиковъ, вы служите мнѣ съ начала моего царствованія и знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія“ и добавилъ: „не мнѣ карать ихъ“.

Послѣ кончины Александра въ его письменномъ столѣ найдена А. Х. Бенкендорфомъ записка, поданная имъ Государю по этому дѣлу въ томъ же 1821 г.—на ней не оказалось ни одной помѣты.

„На этомъ фактѣ приходится остановиться, говоритъ Великій Князь, но объяснить его логично мы затрудняемся, по слѣдующимъ причинамъ. Если сопоставить строгости по приговору Семеновскаго полка и всю переписку по этому дѣлу, гдѣ Государь упорно искалъ причинъ политическихъ, не обнаруженныхъ ни слѣдствіемъ, ни судомъ, то какъ допустить полнѣйшую индифферентность къ запискѣ Бенкендорфа и къ сообщенному на словахъ Васильчиковымъ? Какъ разгадать, отчего Государь чуть было не вмѣшался активно въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринималъ, чтобы пресѣчь надвигавшуюся бѣду, и сказалъ такую фразу „не мнѣ карать ихъ“. Неужели возможно, что, настроенный Меттернихомъ къ самой отчаянной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ Европы, Александръ могъ равнодушно относиться къ однороднымъ проявленіямъ въ Россіи? А въ дѣйствительности это было такъ, хотя и не совсѣмъ. Говоримъ—не совсѣмъ, потому, что душевно изстрадавшійся монархъ нашелъ однако то лицо, которое должно было его замѣнить по всѣмъ дѣламъ внутренняго правленія Россіей, и которому онъ не только добровольно, но вполне обдуманно, сдалъ бразды управленія родиной. Это лицо былъ Аракчеевъ“.

„Заблужденіе Государя шло настолько далеко, что онъ предполагалъ исцѣлить Россію отъ революціоннаго настроенія во многихъ слояхъ общества и арміи не чѣмъ другимъ, какъ распоряженіями избраннаго имъ для этихъ цѣлей замѣстителя, въ лицѣ грубаго и необразованнаго исполнителя его же велѣній, Аракчеева. И такое заблужденіе вошло въ плоть и кровь Александра Павловича. Онъ

вообразилъ, что Аракчеевымъ онъ какъ бы прикрылъ себя отъ всякой отвѣтственности, и вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религіознаго экстаза, приведшіе Государя къ такому плачевному исходу“.

„А проблески зародившейся фантазіи прикрывать себя Аракчеевымъ, гдѣ только возможно, проявлялись постепенно, и мы ихъ нашли и на поляхъ приговора по семеновской исторіи, и въ другихъ документахъ“.

Какъ на примѣръ, Августѣйшій авторъ указываетъ на письмо, найденное имъ въ черновомъ отпускѣ въ дѣлахъ Военно-Ученаго архива, писанное цѣликомъ рукою Императора Александра еще 20 февраля 1820 г., по частному дѣлу, рижскому генераль-губернатору маркизу Паулуччи. Письмо это, въ которомъ отклонялось ходатайство маркиза, было переписано Аракчеевымъ и отправлено маркизу отъ его, Аракчеева, имени.

Оно весьма характерно.

„Милостивый государь мой, маркизь Филиппъ Осиповичъ. Получа письмо Ваше со вложеніемъ прошенія на Высочайшее имя Государя Императора, по довольно внимательному разсмотрѣнію, рѣшился я онагс не вручать Его Величеству и при семъ оное Вамъ возвращаю.

„Причины, побудившія меня къ сему, суть слѣдующія: время, въ кое дозволено подавать просьбы объ увольненіи отъ службы, уже миновало съ 1 января, и не прежде какъ 1 сентября оныя принимаются. Во-вторыхъ, искренно долженъ Вамъ признаться, что я не нахожу повода Вамъ приступать къ подобной рѣшительности; ибо, бывъ облагодѣтельствованы милостями Государя, касательно чина, въ которомъ Вы находитесь, сверхъ того лестнаго званія генераль-адъютанта и довольно достаточнаго состоянія, исправляя должность, которая уже доказываетъ довѣренность Государя къ особѣ Вашей, я не понимаю, чего еще Вы можете желать? Имѣвъ весьма часто случай бесѣдовать съ Государемъ, я могу Васъ увѣрить, что ни его мнѣніе, ни довѣренность къ Вамъ ни въ чемъ не перемѣнились и послѣ всего вышесказаннаго, если Вы вспомните, что Вы изъ чужой службы поступили въ російскую въ 1807 году, и въ теченіе 13 лѣтъ достигли степени, до которой многіе изъ товарищей Вашихъ употребили болѣе 25 лѣтъ службы ихъ, то съ справедливостью должны будете согласиться, что жаловаться Вамъ невозможно. Извините мое чистосердечіе: оно въ моемъ нравѣ, и я привыкъ имъ руководствоваться. Аракчеевъ“.

„Все, что изложено въ этомъ письмѣ, правильно, и Паулуччи вполнѣ заслужилъ такую отповѣдь. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Аракчеева долженъ былъ невольно поразить разжившагося иностранца“.

„Слѣдовательно, если Паулуччи былъ неудовлетворенъ отвѣтомъ, то его гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на Аракчеева, такъ какъ маркизь не могъ ни секунды подозрѣвать, что вся отвѣдь была сочинена самимъ Государемъ. То же самое и въ дѣлѣ семеновцевъ; вся проявленная строгость и жестокость были отнесены вліянію Аракчеева, между тѣмъ онъ вовсе не вмѣшивался во всю процедуру этого судебного разбирательства вообще и подчеркивалъ свое невмѣшательство въ письмахъ къ Императору, предпочитая сидѣть въ Грузинѣ, либо въ военныхъ поселеніяхъ, за время разбора семеновской исторіи. И вотъ приходится недоумѣвать, почему Александръ Павловичъ счелъ необходимымъ проявить такую строгость къ нижнимъ чинамъ любимаго имъ полка, а оставилъ даже безъ замѣтки поданную ему записку Бенкендорфа, которая обнаружила гораздо болѣе грозные симптомы среди офицерства и части общества. Не мудрствуя лукаво, постараемся объяснить это явленіе возможно проще: на основаніи характера Императора Александра. Онъ былъ шефомъ семеновцевъ, еще будучи наслѣдникомъ, онъ помнилъ роль полка при восшествіи на престолъ въ 1801 году, онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто, а дисциплина *нахально* нарушена. Чувства обиды и горечь разочарованія привели не только къ строгости, но и къ жестокости!“

„Что же касается разоблаченій Бенкендорфа и Васильчикова, то они затронули другую больную струну, а именно другое разочарованіе, касавшееся самого себя, своей личности, своихъ заблужденій молодости, всѣхъ либеральныхъ мечтаній въ различные періоды царствованія, и это привело къ вполнѣ естественному упадку духа и снисходительности къ прегрѣшеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ. Совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ (меньшей братіи), и не хватило ни мужества карать ихъ, ни желанія бичевать себя“.

Общее разочарованіе (1822—1825).

„Три года войнъ за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ для личности Александра. Онъ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушавшее въ немъ чувства патриотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостигаемаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи“.

„Отдавшись религіозно мистическимъ утопіямъ, Александръ не могъ уже заниматься дѣлами съ такимъ же увлеченіемъ, какъ раньше, онъ началъ тяготиться всѣмъ тѣмъ, что входило въ атрибуты царской власти и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку— Аракчееву“.

Это было сдѣлано имъ вполнѣ обдуманно, въ надеждѣ, что „Аракчеевъ вѣрно его понимаетъ, беспрекословно исполняетъ его волю, никогда не измѣняетъ Царскихъ велѣній“ и „исцѣлитъ Россію отъ революціоннаго настроенія“. Мало-по-малу, „по всѣмъ дѣламъ, Государь началъ слушать только одного Аракчеева и принимать исключительно его доклады по всѣмъ отраслямъ управленій“.

„Послѣдніе четыре года царствованія Александра Павловича стали въ дѣйствительности годами управленія Россіей одного Алексѣя Андреевича“.

„Онъ издавалъ законы, разсылалъ повелѣнія, наказывалъ, миловалъ, объявлялъ выговоры или высказывалъ неудовольствіе, выдвигалъ разныя бездарности, въ общемъ угнеталъ самымъ безсердечнымъ игомъ Россію и русскихъ подданныхъ, а Александръ молчалъ, страдалъ душевно, недомогалъ часто физически и все покорно подпisyвалъ“.

Чѣмъ объяснить это удивительное довѣріе къ нему Императора и то исключительное вліяніе, какимъ пользовался этотъ холодный, себялюбивый и недалекій человѣкъ?

Онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою Павла, передъ которымъ совѣсть его была чиста, предъ которымъ онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя — въ этомъ, по мнѣнію Великаго Князя Николая Михайловича, разгадка дружескихъ отношеній Императора Александра I-го къ Аракчееву.

При первомъ же посѣщеніи Александромъ Грузина, въ 1810 г., говоритъ Великій Князь, взоры Императора должны были остановиться на барельефѣ Павла, висящемъ на лѣвой сторонѣ церкви, и на подписи подъ барельефомъ золотыми буквами, вдушей чрезъ всю стѣну лѣваго клироса:

„Сердце мое чисто и духъ правъ предъ Тобою“.

„И надпись и изображеніе отца не могли не сдѣлать впечатлѣнія, и впечатлѣніе должно было быть значительное, потому что слова надписи безмолвно говорили, что молъ я, Аракчеевъ, правъ передъ памятью усопшаго, и что сердце мое чисто. Это напоминаніе минувшихъ дней дѣйствовало тяжело и наводило на грустныя думы“.

Александръ никогда не могъ бы повторить этой фразы предъ своею совѣстью.

„Что-то непонятное влекло Александра въ уединенное гнѣздо „безъ лести преданнаго“ престолу графа Аракчеева.

„Тамъ, въ Грузинѣ, и въ домѣ, и соборѣ, и въ саду—всюду находились предметы почитанія и благоговѣнія къ памяти его родителя; тамъ невольно приходилось вспоминать о погибшемъ отцѣ, а въ лицѣ владѣтеля этого помѣстья видѣть преданнаго слугу покойнаго; другими словами, на воображеніе должно было дѣйствовать нѣчто таинственное, столь близкое къ тому мистическому состоянію, въ которомъ находился недавній освободитель Европы. Словомъ, память о Павлѣ, тѣнь его, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться, влекли Александра, помимо личныхъ чувствъ, къ тусклому облику Алексѣя Андреевича“.

Трогало Александра также и мнимое безкорыстіе Аракчеева, отказывавшагося отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій; это „заставляло его невольно заблуждаться въ истинныхъ чувствахъ преданнѣйшаго графа и закрывать глаза на всю эту фальшь, приводившую въ негодованіе приближенныхъ и сотрудниковъ, но не возмущавшую самого Императора“.

Къ тому же, Аракчеевъ еще при жизни Императора Павла счумѣлъ сдѣлаться необходимымъ Александру. Оберегая его отъ гнѣвныхъ вспышекъ отца, онъ часто являлся какъ бы посредникомъ между ними, и это воспоминаніе создавало извѣстную близость. Въ этомъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ самъ Аракчеевъ, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминалъ державному покровителю о его незабвенномъ батюшкѣ.

Сознавая въ этомъ отношеніи свою силу, „Аракчеевъ позволялъ себѣ часто показывать то недовольство, то просто капризы, если Государь ему чего-либо не сообщалъ или оказывалъ довѣріе и расположеніе другимъ. И всѣ эти выходки сходили для него благополучно. Особенно рѣзко выразилось дурное расположеніе графа при образованіи Государственнаго Совѣта, когда ему не показали проекта реформы. Графъ страшно обидѣлся, взбѣшенный уѣхалъ къ себѣ въ Грузино и настоялъ на своемъ — сдать управленіе военнымъ министерствомъ Барклаю... самодовольно занявъ предсѣдательское мѣсто въ военномъ департаментѣ Государственнаго Совѣта“.

„Вышло, что Аракчеевъ какъ бы остался побѣдителемъ въ домашней распрѣ съ Государемъ, а Александръ удовольствовался быть побѣжденнымъ и ничѣмъ не выразилъ вполнѣ естественнаго недовольства... Слѣдовательно, Аракчеевъ могъ только радоваться результатамъ своихъ непозволительныхъ приѣмовъ обращенія съ русскимъ Царемъ, и приемы эти повторялъ также и въ будущемъ, все съ тѣмъ же успѣхомъ“. — Это походило на какое-то смиреніе

предъ тѣмъ человѣкомъ, котораго „сердце было чисто и духъ правъ предъ нимъ“, т. е. передъ Императоромъ Павломъ.

За періодъ Отечественной войны сохранилось 80 записокъ Александра къ Аракчееву, весьма характерныхъ для обрисовки отношенія къ нему Государя. Среди нихъ особенно характерна ниже слѣдующая, писанная 22 мая 1814 года, когда Александръ отправился въ Лондонъ, и Аракчеевъ его не сопровождалъ, а оставался на нѣмецкихъ водахъ для лѣченія.

„... Съ крайнимъ сокрушеніемъ я расстаюсь съ тобой, писалъ ему Государь. Прійми еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и воспоминаніе о которыхъ останется на вѣкъ въ душѣ моей.

„Я скучень и огорчень до крайности. Я себя вижу послѣ 14-ти-лѣтняго тяжелаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была всегда неограниченна.

„Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столько не тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ“.

Въ этихъ словахъ вылилось все, что могъ Александръ высказать вѣрному служакѣ и точному исполнителю своихъ предначертаній.

„Несмотря на милостивыя слова Государя передъ отъѣздомъ въ Англію, между нимъ и Аракчеевымъ въ Парижѣ еще произошли недоразумѣнія на почвѣ обидъ, что, молъ, Его Величество въ немъ болѣе не нуждается. Аракчеевъ, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границей“, о чемъ онъ и просилъ Государя письменно. Однако, послѣ личнаго объясненія съ Государемъ, намѣренія графа измѣнились, и онъ вернулся въ Россію раньше Александра Павловича.

„Спрашивается, къ чему была вся эта комедія отпуска и лѣченія? Но, видимо, такіе приемы онъ считалъ необходимыми въ своихъ отношеніяхъ съ Александромъ Павловичемъ“.

И, какъ оказывается, былъ правъ, разъ онъ сумѣлъ такимъ образомъ на долго сохранить не только расположеніе, но и довѣріе Монарха.

„Въ угоду Аракчееву, подъ натискомъ его и Фотія были принесены въ жертву друзья дѣтства Александра“,—кн. А. Н. Голицынъ и П. М. Волконскій. Безъ сомнѣнія, это было тяжело Государю и должно было вызвать въ его душѣ тяжелую борьбу, но „утомленіе жизнью было столь велико“, что онъ не имѣлъ силъ бороться, и уступилъ.

„Вотъ когда явилась потребность въ постоянныхъ передвиженіяхъ и вояжахъ, для успокоенія безотраднaго душевнаго состоянія“, котораго не могло заглушить ни чтеніе священнаго писанія, ни молитва. Только въ бесѣдѣ съ Аракчеевымъ, котораго Государь навѣщалъ время отъ времени въ Грузинѣ, Государь находилъ, въ самыя трудныя минуты, отраду и утѣшеніе.

„Откровенно говоря, замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь, мы недоумѣваемъ, какое могло быть утѣшеніе въ сообществѣ холоднаго и безсердечнаго грузинскаго помѣщика; такого рода психологія чувствъ Александра Павловича прямо-таки вызываетъ одно лишь удивленіе и не поддается анализу. Но фактъ остается во всей своей наготѣ; его нельзя не отмѣтить“.

Хотя въ отношеніяхъ Александра къ Аракчееву, повидимому, навсегда останется „что-то непонятное“, но принятая Великимъ Княземъ основная точка зрѣнія многое уясняетъ.

Учрежденіе знаменитыхъ военныхъ поселеній также приводится авторомъ въ связь съ религіознымъ настроеніемъ Александра; онъ объясняетъ его гуманнымъ желаніемъ Государя „облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлать ихъ земельною собственностью“. Военныя поселенія, по мнѣнію изслѣдователя, явились „логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходить на умъ Государю и волновать его душу“. Въ данномъ случаѣ Александръ „придерживался строго обдуманной системы“ и постепенно проводилъ въ жизнь свою идею.

Эта настойчивость и упорство въ осуществленіи своихъ плановъ была отличительною чертою Александра, при чемъ „если онъ замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ его волю, то онъ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній“.

Какъ человекъ, Александръ былъ добръ и благожелателенъ, но „рядомъ съ этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, а кромѣ того чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить“—она составляла коренную черту его нрава. „Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ“.

Обвораживая Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, Александръ преспокойно „писалъ въ то же время матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломить его мощь“. „Въ одну дверь входилъ къ нему доверчиво канцлеръ Румянцевъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ, съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій ква-

керъ, или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ... и что болѣе всего замѣчательно, всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета Государя и часто воображали, что онъ раздѣлялъ ихъ образъ мыслей“.

Вообще, въ характерѣ Александра Павловича мирно уживались въ теченіе всей его жизни самыя рѣзкія противоположности, а его двуличность сочеталась съ неотразимымъ личнымъ обаяніемъ, „съ тѣмъ, что французы называютъ „le charme“; онъ „обвораживалъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться“. „Нѣчто ангельское“ жило рядомъ съ никогда не угасавшимъ злопамятствомъ“. Каждый день его жизни былъ „сплошной психологической загадкой, которая, быть можетъ, никогда не будетъ разгадана во всемъ ея объемѣ“, но несомнѣнно, что новый трудъ Великаго Князя Николая Михайловича весьма многое выясняетъ въ сложной натурѣ Императора Александра Павловича, сложившейся подъ вліяніемъ такихъ противорѣчивыхъ факторовъ, какими были, съ одной стороны, его просвѣщенная, „геніальная бабка Екатерина II, до безумія любившая внука-первенца, съ другой—полубольной отецъ и честолюбивая мать, оба недовольные и обиженные Императрицей и устраненные ею отъ воспитанія ребенка“,—условія, какъ нельзя болѣе благопріятствовавшія развитію отмѣченной выше, основной черты характера Александра Павловича. На развитіе всей послѣдующей его психики, по мнѣнію его новаго біографа, имѣло рѣшающее значеніе роковое событіе 11 марта 1801 года. „Красной нитью, говоритъ онъ, черезъ всю жизнь Александра проходитъ „тѣнь отца“; это объясняетъ его отношенія къ Аракчееву, религіозныя исканія его мятущейся души, его ненависть къ дворянству, „за ту роль, какую оно играло въ событіи, не забытомъ Государемъ въ теченіе всей его жизни“, и даже вражда къ Наполеону, за его намекъ относительно дальнѣйшей судьбы участниковъ этого событія.

Что касается извѣстной поэтической легенды о таинственномъ сибирскомъ старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, которой, по собственному сознанію Великаго Князя, онъ самъ много лѣтъ увлекался, то, сдѣлавъ все возможное, чтобы выяснить его личность, и собравъ о немъ подробности, какія удалось добыть, онъ пришелъ къ убѣжденію, что „старецъ не былъ и не могъ быть Императоромъ Александромъ I; а личность самого Ѳедора Кузьмича такъ-таки и не удалось установить“.

Въ результатѣ, въ превосходномъ изслѣдованіи Великаго Князя, обликъ Александра I предстаетъ въ новомъ пониманіи, въ новомъ освѣщеніи, подкрѣпленномъ впервые опубликованными, чрезвычайно цѣн-

ными матеріалами по исторіи царствованія Александра I. Этимъ матеріаламъ посвящена часть перваго и весь второй томъ.

Здѣсь переписка Александра съ Аракчеевымъ, масономъ Р. А. Копелевымъ, имѣвшимъ громадное вліяніе на развитіе у Государя мистицизма, баронессой Крюденеръ, А. Н. Голицынымъ, рядъ дипломатическихъ донесеній пословъ Сенъ-Жюльена, Стадіона и другихъ, переписка Александра съ папой Піемъ VII; извлеченные изъ архивовъ, эти цѣнные матеріалы уже сами по себѣ составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ русскую историческую науку.

Съ грустью отмѣчаетъ Великій Князь гибель многихъ цѣнныхъ документовъ для біографіи Александра I. Переписка Государя съ М. А. Нарышкиной уничтожена вдовой сына Нарышкиной. Шкапулка съ документами генераль-адъютанта Александра Мишо и письма Александра къ баронессѣ Крюденеръ уничтожены Императоромъ Николаемъ, „систематическимъ истребленіемъ многихъ безцѣнныхъ бумагъ и рукописей“. Другіе источники существуютъ съ большими пробѣлами, какъ, на примѣръ, вся переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Александромъ Павловичемъ, наконецъ доступъ въ нѣкоторые частные архивы какъ русскіе, такъ и заграничные еще не открыты.

„Царствованіе Александра, говоритъ Великій Князь въ заключеніе, нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа. Для Александра открывалось широкое поле дѣятельности; вначалѣ, увлеченный реформами, онъ, казалось, понялъ свою задачу и хотѣлъ что-то создать прочное, но это мимолетное стремленіе не успѣло пустить корней“.

„Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій Государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простаго смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ“.

В. Т.

